

Почему мы скорбим?

© А. С. ПОДЧАСОВ,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается понятие «скорбь» в контексте Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. В результате герменевтического исследования автор доказывает, что перевод на русский язык входящих в понятие «скорбь» греческих и древнееврейских слов далеко не всегда может передать заложенные в них смыслы, которые зависят не только от семантики переводимых слов, но даже в большей степени от контекста и ситуации, в которых эти слова употреблялись. На основе проведенного исследования, автором предлагается углубленное толкование понятия «скорбь».

Ключевые слова: скорбь, теснота, пытка, узы, межевая веревка, негодование, провокация, «червь в сердце».

The article examines the concept of «sorrow» as it is understood by Old and New Testament writers. The author proves that when we attempt to translate twenty or so Greek and Hebrew words used to express different dimensions of «sorrow», we inevitably lose important meanings of original words. It happens because those meanings depend to a great extent on the particular context of the narrative, the cultural setting of the Bible and the spiritual understanding of particular words. Applying the hermeneutic analysis of the text, the author provides an insightful interpretation of the concept of «sorrow».

Слова апостола Павла «но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение», на первый взгляд, просты. Однако давайте задумаемся над тем, что мы понимаем под словом *скорбь*. Соответствует ли это тому, как понимается *скорбь* в Священном Писании?

Толковые словари русского языка определяют *скорбь* как «крайнюю печаль, горесть (книжн.), горе, несчастье и болезнь, страдание». Согласно словарю синонимов, *скорбь* стоит в одном ряду с такими словами, как *горе, сожаление, страдание, грусть, печаль, горечь*. Большая медицинская энциклопедия определяет *скорбь* как *проявление горя*.

В греческом языке понятие «скорбь» чаще всего передается словом *lupe*, которое означает прежде всего эмоциональное переживание боли и страдания от потери, утраты кого-то или чего-то дорогого и любимого.

Однако в своем послании к Римлянам апостол Павел употребил другое, менее употребительное слово *thlipsis*, которое использовалось для обозначения физической природы «тесноты» и имело семантику «давление, сжимание, стеснение». Это существительное произошло от глагола *thlibo* (жать, давить, сжимать, раздавливать), который появился в классическом греческом языке во времена Аристофана. В свою очередь, глагол происходит от корня *thleo*, который имеет значения «сжимать, давить». *Thlipsis* употреблялось, когда говорили о давлении оливок или винограда с помощью пресса. Однако в Новом Завете оно, как правило, встречается в метафорическом смысле (53 случая из 55) для обозначения сильнейших душевных переживаний, нервного напряжения, вызванных как внешними обстоятельствами, так и личными внутренними проблемами: «Такие испытания словно пресс выжимают из человека самое лучшее, словно сок из плода». Представить их тяжесть помогает тот факт, что *thlipsis*, помимо давления плодов, обозначало пытку, во время которой связанного человека клали ничком и затем медленно опускали ему на спину огромную каменную глыбу, пока тело не было раздавлено.

Thlipsis и *thlibo* использовались для перевода нескольких слов древнееврейского языка, но чаще всего *tsarah* и *tsar* (*теснота, узкость*, а в переносном смысле – *скорбь, беда, страдание*) [1. С. 456–473]. Заметим, что древнееврейскому языку свойственна конкретная образность. Поэтому неслучайно, что абстрактное существительное *скорбь* в нем просто отсутствует. Вместо него употребляются полтора десятка слов, которые на примере наглядно-действенных конкретных ситуаций передают различные значения этого понятия. Для примера рассмотрим пять из них: уже упомянутые нами *tsarah* и *tsar*, а также *chebel*, *itsabawn*, *ka'ac* и *yagown* (здесь и далее курсив наш. – А.П.): «Воззри, Господи, ибо мне тесно (*tsarah*), волнуется во мне внутренность, сердце мое перевернулось во мне за то, что я упорно противился Тебе» (Плач 1:20).

«Мне тесно» значит, что меня со всех сторон обступили тяжелые обстоятельства и я страдаю под их давлением. Сравним со словами царя Давида: «Помилуй мя, Господи, яко *скорблю* (*tsarah*): смятется я ростию око мое, душа моя и утроба моя» (Псал. 30:9).

И в первом, и во втором примере употребляется слово *tsarah*, но для его перевода в Плаче Иеремии было выбрано слово категории состояния «тесно», которое точнее передает значение оригинала (в древнееврейском языке *tsarah* воспринималось вполне вещественно, как узкое место) — ощущение сдавливания, пресса. Как говорил о таких бесподлежащих конструкциях А.А. Потебня, «существо производит известное действие в природе или в человеке, берет его, охватывает...» [2. С. 319–320].

В то же время при переводе псалма использовано абстрактное понятие «скорбь». Об этом же состоянии мы читаем и в семнадцатом псалме: «В *тесноте* (*tsarah*) моей я призвал Господа, и к Богу моему воззвал» (Псал. 17:7).

Рассмотрим еще один пример: «Если ты в день *бедствия* (*tsarah*) оказался слабым, то *бедна* (*tsar*) сила твоя» (Притч. 24:10). В притче заключена та мысль, что если, оказавшись в «узком месте», т.е. в сложной ситуации, человек опускает руки, чем сам себя ослабляет, т.е. помещает в еще более тесное, узкое пространство. В словах Христа «узкие врата и тесен (*thlibo*) путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их», *thlibo* имеет именно это значение. Блаженный Августин отмечал: «Врата в Царство Небесное тесны не сами по себе, мы стесняем их для себя своей гордостью, а за тем мучаемся, что не можем войти, сетуем и раздражаемся препятствиями» [3].

Chebel — самое употребительное слово древнееврейского языка для передачи абстрактного понятия «скорбь». Оно имеет значения «узы, веревка, цепи, оковы, болезнь и т.д.», то есть все то, что ограничивает свободу человека: «Скрыли гордые сеть для меня, и *верви* (*chebel*) натянули, силки ногам моим» (Псал. 139:5).

В некоторых случаях *chebel* переводится словом *боль*. Сильная, нестерпимая боль, например такая, которую претерпевают женщины во время родов, пленяет человека, лишает свободы: «Как беременная женщина, при наступлении родов, мучится, вопит от *болей* (*chebel*) своих, так были мы пред Тобою, Господи» (Ис.26:17).

Обратим внимание на следующий пример: «Одержаша мя *болезни* (*chebel*) смертныя. И потоцы беззакония смятоша мя, и сети смерти опутали меня. *Болезни* (*chebel*) адовы обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя» (Псал.17: 5–6). В данном случае под *болезнями смертными*, *болезнями адовыми* имеются в виду помыслы, которые подчиняют себе человека, лишают его силы и свободы. Кроме этого, помыслы настраивают людей друг против друга. Как пишет преподобный Максим Исповедник, «Самолюбие и плотское мудрование людей, отторгши их друг от друга, и криво истолковав закон, рассекло единое естество на многие части, и, введши в силу ныне всех об держашее жестокосердие, так

им настроением вооружило природу саму против себя т.е. людей друг против друга» [4].

Хочется отметить и другое значение *chebel* – «межевая веревка», т.е. в буквальном смысле – средство разделения земельной собственности, а в переносном – то, что, как и «болезни смертные», проводит границы между людьми, разделяет их, делает чужими друг другу: «За это, вот что говорит Господь: жена твоя будет обесчещена в городе, сыновья и дочери твои падут от меча, земля твоя будет разделена *межевою вервью* (*chebel*), а ты умрешь в земле не чистой, и Израиль непременно выведен будет из земли своей» (Ам. 7:17); «Так говорит Господь Бог: вот распределение, по которому вы должны разделить землю в наследие двенадцати коленам Израилевым: Иосифу два *удела* (*chebel*)» (Иез. 47:13). Межевание, разделение необходимо для избежания распрей, но при этом утрачивается полнота, целостность. Не случайно слово *chebel* – *межевая веревка* одновременно имеет значение «скорбь».

Слово *itsabsawn* – встречается в Священном Писании всего три раза для обозначения тех страданий, которые терпит человек вследствие изменения своей природы после грехопадения. Такие страдания Е. А. Авдеенко называет «печалями» и дает им следующее определение: «печали это те страдания, которые служат ко спасению нам, это следствие грехопадения. Муж должен трудиться, женщина – в печалах рожать. То есть печали это страдание, когда мы понимаем его источник» [5]. «Адам уже сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со *скорбью* (*itsabsawn*) будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:17).

Слово *ka'ac*, интересно тем, что может соединять в себе такие, на первый взгляд, несовместимые значения, как «скорбь» и «негодование, гнев, раздражение, провокация»: «Господь увидел, и в *негодовании* (*ka'ac*) пренебрег сынов Своих и дочерей Своих» (Втор. 32:19); «Ты поступал хуже всех, которые были прежде тебя, и пошел, и сделал себе иных богов и истуканов, чтобы *раздражить* (*ka'ac*) Меня» (3 Цар. 9:14).

Очевидно, речь в этих примерах идет не о привычных страстях, а об особом чувстве, в котором есть и сострадание человеку и неприятие его поступка, за который человек не может не быть наказан. Так, Господь испытывает «негодование», то есть *скорбь*, потому что его общение с «сынами и дочерьми» больше не возможно. Во втором примере речь не о привычном нам, человеческом гневе, а о гневе Бога, то есть прежде всего о том, что Бог испытывает внутреннюю боль, скорбь о человеке. Как говорит преподобный Иоанн Кассиан

Римлянин: «когда читаем о гневе или ярости Божией, то должны понимать не человекообразно, т.е. по подобию человеческого возмущения, а достойно Бога, который чужд всякого возмущения, именно так можем понимать, что Он есть Судия и отмститель за все, что неправильно делается в этом мире, и, боясь означаемого этими словами страшного возмездия за наши дела, должны опасаться сделать что-нибудь против Его воли» [6. С. 125].

Слово *yagown* происходит от корня *-yagah-* (горевать, убиваться, глубоко печалиться) и означает «внутренние обиды, огорчения, печаль», которые преподобный Нил Синайский называет «червем в сердце», потому что они подтачивают изнутри и могут довести до изнеможения и даже смерти [7. С. 68], например: «Доколе мне слагать советы в душе моей, *скорби* (*yagown*) – в сердце моем день и ночь? Доколе будет возноситься мой враг надо мной?» (Пс.12:3).

Скорбь (*yagown*) стала причиной того, что «душа стала как собрание, как совет, где толпятся помыслы, и каждый помысел подает свой голос, совет» [8]. В результате этого человек замыкается в себе и чувствует безысходность. Как говорит Е. А. Авдеенко, «это не психологическое состояние, как думает гуманистическая наука психология: это богооставленность, отлученность, безысходность. Это состояние замкнутости на себя, не нейтральное. Это состояние, когда враг превозмогает» [Там же]. То есть человеку, у которого душа стала «домом советов», невозможно помочь извне. Так, врачи на какое-то время могут помочь больному, давая ему лекарства, педагоги могут тормозить ученика, стараясь мотивировать его к учебе и иногда достигать на этом пути непродолжительного успеха, но если человек не захочет помочь себе сам, разомкнуть свою душу и принять помощь, он действительно и буквально останется в «безысходности», где, как в чеховской «Чайке», «холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно».

Итак, как мы видим, перевод около двадцати греческих и древнееврейских слов родным нам *скорбь*, далеко не всегда передает заложенные в них смыслы. Это объясняется тем, что значения этих слов зависят не только от их собственной семантики, но даже в большей степени от контекста и ситуации, в которых эти слова употреблялись. Подводя под все эти многочисленные слова общий знаменатель, мы бесконечно упрощаем то ценное содержание, ради которого и читаем Священные тексты. Как говорит профессор-архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), «таких слов, которые “предательски” кажутся знакомыми, родными, не требующими пояснений, но которые, тем не менее, не отражают смысл оригинала или отражают его искаженно, – таких слов в Библии очень много» [9]. Несомненно, *скорбь* – одно из них. Для восполнения появляющегося при переводе смыслового вакуума, очевидно, требуются герменевтические толкования.

Литература

1. *Botterwerk J., Ringgren H.* Н-J Theological Dictionary of the Old Testament. 2003. Том 12.
2. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3. С. 551.
3. Святое Евангелие от Матфея с толкованием святых отцов. М., 2010.
4. *Максим Исповедник.* Добротолюбие. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_3/15
5. *Авдеенко Е.А.* Тема «Каин» в современном мире. М., 2014. С. 13.
6. *Иоанн Кассиан Римлянин.* Сочинения. «О духе гнева». Кн. 8. Гл. 4. Изд. 2-е Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1892; Мн., Харвест; М., АСТ, 2000.
7. *Dennis Farrell.* Examples and Principles of Psychology in the Bible. Redemption Press, USA, 2010.
8. *Авдеенко Е.А.* Враги Давида и враги Мессии. По книге Тегилим (Псалмы). М., 2014. С. 99.
9. *Ианнуарий (Ивлиев).* Проблемы библейского перевода. Режим доступа: <https://azbyka.ru/ivliev/>

МГУ им. М.В. Ломоносова